

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

ИДЕИ И СФЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАУЛЯ АРИСТЭ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО УРАЛО-ИНДОЕВРОПЕИСТИКЕ

С 18 по 22 июня 1990 г. в Москве, при Институте славяноведения и балканистики Академии наук, прошла международная конференция «Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей».

Среди 49 участников конференции из 24 городов Австрии, Венгрии, ГДР, Италии, Латвии, Нидерландов, России, США, Украины, Финляндии, ФРГ, Чехо-Словакии, Эстонии уже не могло быть члена оргкомитета конференции Пауля Аристэ. Его память, как и память двух других крупных исследователей урало-индоевропейских связей, которые приглашались на конференцию, но скончались годом ранее, — Аулиса Йоки и Бориса Серебrenникова — участники почтили минутой молчания при открытии первого заседания.

С самого начала профессор Аристэ с энтузиазмом поддержал план проведения специальной конференции по теме, остававшейся на протяжении многих десятков лет одной из центральных в его научном творчестве, — по проблематике языковых, этноисторических и культурных взаимодействий между индоевропейцами и финно-уграми. Этот план удалось обсудить и в ряде отношений уточнить в 1988 году в Тарту, во время двух бесед П. Аристэ с автором данного сообщения как ученым секретарем намеченной конференции. Оговаривались состав участников, желательность междисциплинарного принципа — в первую очередь параллельного участия лингвистов и археологов, необходимость дискуссии по новейшим подходам к индо-уральскому сравнению и поиску древних индоевропейских заимствований в уральских языках. Хотя и не без некоторого сожаления, П. Аристэ согласился с тем, что конференция сосредоточится на истории рассматриваемых связей, оставляя за своими рамками современные контактные взаимодействия (в первую очередь русско-финно-угорские). Сам он надеялся и даже обещал, (с оговоркой — если Богу будет угодно) приехать в Москву с докладом, однако позже, в письме от 25 марта 1989 г., был вынужден из-за состояния своего здоровья отказаться от этого намерения.

Кончина Пауля Аристэ не могла, тем не менее, помешать тому, чтобы в зал заседаний конференции проникли его идеи и научные результаты, апелляция к которым многократно звучала в выступлениях и непосредственных его учеников, и исследователей, так или иначе испытывавших влияние эстонского ученого. В этом сообщении преимущественное внимание будет уделено тем докладам, в которых обсуждались и развивались концепции, принадлежащие или разрабатывавшиеся в работах П. Аристэ, а также затрагивались особенно близкие ему сферы исследований. Большинство докладов опубликовано в двух частях сборника материалов конференции, который вышел в свет (под редакцией Вяч. Вс. Иванова — председателя оргкомитета, Т. М. Судник и Е. А. Хелимского) заранее и послужил основой для весьма оживленных и продолжительных дискуссий на заседаниях.¹

¹ Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18—22 июня 1990 г., часть I, II, Москва 1990. 144 стр., 151 стр.

Заседание «Славяне и финно-угры» открылось циклом из выступлений Г. Бирнбаума (Лос-Анджелес), А. К. Матвеева (Свердловск) и В. Фенкера (Гамбург) по проблеме финно-угорского субстрата в русском языке и в топонимии Русского Севера. Докладчики и участники состоявшихся обсуждений — Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола), Я. Гуя (Геттинген) и другие — дали оценку надежности имеющихся объяснений ряда явлений в русском языке (аканье, конструкции типа *у меня есть*, диал. *вода пить*) из финно-угорского субстрата. Г. Бирнбаум, вслед за В. Кипарским, высказал мнение о возможном консервирующем влиянии «финского холодильника» по отношению к некоторым индоевропейским архаизмам русского языка. А. К. Матвеев продемонстрировал бесперспективность поиска пермских, угорских либо самодийских элементов в северорусской (и на юг вплоть до Подмосковья) гидронимии с учетом полного отсутствия лимнонимов на *-IA* (ср. коми *ты*, венг. *tó*, нем. *то* 'озеро') и абсолютной доминанции элементов прибалтийско-финского и финно-саамского типа.

В центре доклада Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина (Москва) «Русь и чудь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э.» находилась констатация специальной роли чудь-эстов во взаимоотношениях между скандинавами и новгородскими славянами. Особо тесные связи чудь (гот. *thiudi*) со скандинавами-русью поставили чудь в особое положение по сравнению с другими членами конфедерации восточноевропейских племен, которая была создана русью, — в положении союзников, а не данников (что сохранялось по крайней мере в X в.). Значительное внимание докладчики уделили этнонимам, поддерживая, в частности, объяснение прибалтийско-финского названия восточных славян (эст. *Vene*, фин. *Venäjä*) как наиболее раннего элемента этнонимии — ср. примечания П. Аристэ к русскому переводу книги Л. Хакулинена «Развитие и структура финского языка», отвергающие идею о германском посредстве (Москва 1955, т. II, с. 280).

Опираясь на начатые А. А. Зализняком исследования лингвистических особенностей древненовгородских берестяных грамот, С. Л. Николаев и Е. А. Хелимский (Москва) в своем докладе констатировали, что источником основной массы славянских заимствований в прибалтийско-финских языках являются не собственно восточнославянские диалекты, а диалекты Псковской и Новгородской земель, проникшие на Русский Северо-Запад в VI—VII вв. с запада и юго-запада и по ряду признаков (отсутствие следов т. н. второй палатализации заднеязычных согласных, *-gl-* на месте общеслав. **-dl-* вместо вост.-слав. *-l-*, *-e/-e* как окончание номинатива ед. ч. у *o*-основ мужского рода и др.) занимавшие уникальное положение в славянском языковом мире. Дальнейшее развитие шло конвергентно и в основном сводилось к «вымыванию» этих — «севернославянских» — языковых черт восточнославянскими. Учет севернославянской диалектной специфики ранней эпохи позволяет объяснить и факты типа старозест. *mogel* 'шелок, мыло', *vigel* 'вилы' (см. P. Ariste, *Keelekontaktid*, Tallinn 1981, с. 88, 89, 91, 95; второй из докладчиков специально обращался к П. Аристэ за консультацией по поводу этих форм), и известную двойственность в прибалтийско-финском оформлении ауслота заимствованных славянских имен мужского рода: ауслот типа *-a/-ä* отражает сев.-слав. *-ǣ* в старых *o*-основах (вод., эст. *lina* 'лен', фин. *räähkä* 'грех'), а ауслот типа *-u/-ü* отражает сев.-слав. *-ǫ*, т. е. *-ǫ*, в старых *u*-основах (фин. *laatu* 'лад, качество'). В дискуссии большинство положений доклада встретило поддержку со стороны как финно-угроведов, так и славистов, хотя вопрос о самостоятельности севернославянской ветви и особенно о ее соотношении с западнославянским продолжает расцениваться как открытый (Г. Бирнбаум).

«Славно-финно-угорские контакты на севере Восточной Европы в эпоху средневековья» были освещены на историческом и археологическом материале Е. А. Рябининым (Ленинград). Обширный и важный в этноисторическом плане, хотя и требующий дальнейшей этимологической интерпретации материал представила М. Йоалайд (Таллинн) в сообщении «Топонимы южновепской территории в народном и официальном употреблении» (рассматривались собственно вепские и параллельные

русские ойконимы). Доклад О. Б. Ткаченко (Киев) «К этнокультурному аспекту древнейших финно-угорских славизмов» (не зачитанный, но опубликованный в сборнике материалов конференции) встретил довольно дружную критику с точки зрения опорного этимологического материала (И. Койвулехто, Л. Ваба, Е. А. Хелимский), что ставит под серьезное сомнение тезис докладчика о наличии славянских заимствований на финно-пермском уровне. Финно-угорские связи Центральной России обсуждались В. Д. Бондалетовым (Пенза) и Ф. И. Гордеевым. Отдельное заседание было посвящено теме «Венгры и славяне»; на нем выступили Г. П. Клепикова (Москва), Л. Хонти (Будапешт—Гронинген), Е. А. Хелимский, П. Н. Лизанец (Ужгород), причем особенно активно дискутировался — в историческом и собственно лингвистическом ракурсах — вопрос о возможном присутствии в венгерском языке древнейших восточнославянских заимствований.

На заседании «Балты (балто-славяне) и финно-угры» многие докладчики и участники дискуссий обращались к широко известной концепции этногенеза прибалтийских финнов и их взаимоотношений с балтами, изложенной П. Аристэ и Х. Моора в 1956 г. (в сборнике «Вопросы этнической истории эстонского народа»), и к разработкам П. Аристэ по балто-финно-угорским языковым связям. Доклад В. В. Седова (Москва) «Балты и финно-угры в древности» был построен в виде комментариев к серии представленных докладчиком карт, отражающих развитие этноисторической ситуации в Прибалтике и прилегающих регионах с III тыс. до н. э. по конец I тыс. н. э. — тем самым докладчик непосредственно предложил одну из важных частей «генеральной топохронологии» урало-индоевропейских контактов, создание которой можно рассматривать как одну из ближайших задач науки. Следует отметить, что В. В. Седов, констатируя финно-угорскую принадлежность ранних культур ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике, не склонен видеть в их носителях прямых языковых предков прибалтийских финнов. Прибалтийско-финский этногенез он связывает с более поздним появлением в этом регионе культур текстильной керамики, имеющих отчетливые верхневолжские связи. Такую трактовку, отличающуюся от представленной Х. Моора и П. Аристэ, поддержали и некоторые другие участники обсуждения, тогда как П. Вереш (Будапешт), акцентировавший внимание на западносибирском центре уральского и финно-угорского этногенеза, вообще высказал сомнения в финно-угорской принадлежности ямочно-гребенчатой керамики.

Очень интересный комментарий археолога к названиям предметов материальной культуры, заимствованным прибалтийскими финнами у балтов, предложил У. Сало (Турку). В исследовании В. Н. Топорова (Москва) характер древнейших балто-финно-угорских контактов оценивается по материалам гидронимии. И. А. Лозе (Рига) посвятила выступление этнокультурной ситуации эпохи ранней бронзы (II тыс. до н. э.) в бассейнах среднего и верхнего течения Даугавы и Днепра.

Этимологическую тематику представил Р. Анттила (Лос-Анджелес), который, несмотря на отсутствие одно-однозначных формально-семантических соответствий, считает возможным возводить ряд финских корней типа *kVn-* к индоевроп. **g^when-* 'бить, гнать' через балтийские источники; аналогичная трактовка предлагается и для корней типа *kVI-*. В данном случае речь идет о привнесении в финно-угроведение принципов индоевропейской корневой этимологии (Э. Бенвенист и др.), которые, однако, встречают критику и со стороны самих индоевропейцев. Э. Уотила (Хельсинки—Неаполь) предложила балтийские этимологии для фин. *suhta* 'мера' (лит. *sūktas* 'повернутый, скрученный') и фин. *hinta* 'цена' (лит. *šimtas* 'сто'). Доклад Л. Ваба (Таллинн) сопровождался таблицей, показывающей дистрибуцию 374 надежных или вероятных балтийских заимствований в отдельных прибалтийско-финских языках (эстонский — северо-восточный, северный и южный; ливский, водский, финский); особое внимание уделялось сепаратным балтизмам.

Темой выступлений Т. М. Николаевой (Москва) и Т. М. Судник (Москва) были схождения между финно-угорскими, балтийскими и славянскими языками в просодии и в конструкциях *pominativus cum infinitivo*, соответственно. Подобные схождения в терминологии бортничества рассмотрел Р. Эккерт (Берлин). К сожалению, за рамками конференции почти целиком оказалась интересная и важная тема балтийского влияния в волжско-финских языках.

На заседании «Германцы и финно-угры» в течение почти двух часов велась содержательная и острая дискуссия по принципиальному докладу Й. Койвулехто (Хельсинки) «Ранние индоевропейско-уральские языковые контакты». Как известно, ориентируясь на концепцию раннего присутствия предков прибалтийских финнов и других уральцев в Восточной Европе и, в частности, на исследования П. Аристэ, Й. Койвулехто в ряде работ предложил трактовку значительного числа финских слов (а также слов других уральских языков) как заимствований из «догерманских» (отчасти также «добалтийских» и «дославянских») индоевропейских диалектов. В ходе дискуссии Г. Бирнбаум высказал сомнение в том, что поздние индоевропейские диалекты сохраняли ларингалы, как это предполагает этимология из доклада Й. Койвулехто; К. Реден (Будапешт—Вена) счел проблематичным сам факт столь массовых заимствований в уральские языки, охватывающих, по Й. Койвулехто, и значительную часть базисной лексики; Е. А. Хелимский и Ю. Янхунен (Хельсинки) отметили гипотетичность слишком многих деталей в предложенных этимологиях. В свою очередь, докладчик выдвинул в обоснование и защиту своих этимологий регулярный и системный характер предполагаемых фонетических соотношений между индоевропейскими источниками и уральскими формами, указал на важность фонотактических критериев.

Значение заимствований в прибалтийско-финские языки для решения проблем истории германского консонантизма рассмотрел Т. Хофстра (Гронинген), чья монография «*Ostseefinnisch und Germanisch*», опирающаяся в значительной мере на работы Й. Койвулехто, привлекла несколько лет назад внимание П. Аристэ (см. рецензию: СФУ XXII, с. 226—229). С рядом этимологических наблюдений — дополнений и маргиналий к SKES — выступил В. А. Терентьев (Москва); ему принадлежит, в частности, интересная трактовка фин. *rauta* 'железо' как заимствования из славянского (кривичского) источника, соответствующего рус. *руда*, но относящегося к периоду до стяжения дифтонга *ai* в *и*.

Заседание «Восточные индоевропейцы и уральцы» включало восемь докладов по различным историческим и лингвистическим аспектам связей между финно-уграми и индо-иранцами (иранцами). Их представили Е. Е. Кузьмина (Москва), А. В. Лушникова (Москва), И. Г. Добродомов (Москва), В. И. Абаев (Москва), П. Вереш, В. Блажек (Пржибрам, Чехо-Словакия), Т. М. Гарипов (Уфа), К. Реден. В. Блажеку принадлежат несколько чрезвычайно удачных новых индоиранских этимологий для финно-угорских слов (*Uralo-Indogermanica* II, с. 40—43, № 1, 3, 13, 15, 17).

В заключительный день работы конференции прошло заседание по теме «Индоевропейско-уральское языковое родство и древнейшая этнокультурная история Евразии». Проблемы ностратики и других теорий дальнего генетического родства рассматривались в докладах Вяч. Вс. Иванова (Москва), В. Шеворошкина (Эйн-Арбор, США), А. А. Ким и О. А. Осиповой (Томск), В. Э. Орла (Москва), И. Хегедюш (Печ). Ю. Янхунен выступил с критическими комментариями к ностратическому сравнению. Культурно-историческая проблематика была представлена в докладах Е. А. Черных и С. В. Кузьминых (Москва) о взаимосвязях между центрами древнейшей металлургии Северной Евразии и Я. Гуи о сопоставительной характеристике уральской и индоевропейской пракультур. Отдельно отметим доклад В. В. Напольских (Ижевск) «Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров». Здесь с использованием комплекса данных языка, топонимики, антропологии, мифологии, палеоклиматологии, археологии разрабатывается гипотеза о том, что во второй половине II — первой половине I тыс. до н. э. в Восточной Прибалтике проживало население, говорившее на языках неизвестной принадлежности (во всяком случае, не уральских и не индоевропейских) и ассимилированное в разных районах финно-уграми или индоевропейцами. С этим населением докладчик связывает и палеоевропейскую субстратную лексику в прибалтийско-финских языках, которая, как известно, выделена и изучена в ряде работ П. Аристэ (СФУ VII, с. 251—258; *Keelekontaktid*, с. 5—23 и др.).

Плодотворная работа большого «круглого стола», объединившего уралистов и индоевропеистов, лингвистов и историков, подтвердила устойчивый интерес специалистов к проблемам, в разработку которых П. Аристэ внес большой и яркий вклад.